

Сегодня — 1994. — 9 авг. — с. 15.

Ван Клиберн, герой холодной войны

Чтобы любимец муз стал властителем дум, его художественные достоинства должны проявиться в благоприятных социальных обстоятельствах

Нью-Йорк

Петр Вайль

Тому, что обладающий большим музыкальным талантом техасский пианист Ван Клиберн сделался символом эпохи, содействовало очень многое. Его грандиозный московский успех весной 1958 года был предвещен корейской войной, возникновением НАТО и Варшавского договора, подавлением венгерского восстания, запуском советского спутника, сигарообразными бьюиками цвета «брызги бургундского» на американской выставке в Москве и закреплении поездкой Хрущева в США, выходом переводов Хемингуэя и Элинджера, улыбкой Гагарина, Карибским кризисом, стуком ботинка по трибуне ООН, кукурузой, трагедией Кеннеди, джинсами, гастрольными ансамблями Моисеева и множеством других памятных явлений и событий в истории взаимоотношений величайших держав планеты.

Клиберну или очень повезло, или очень не повезло — это как считать. С одной стороны, никакой, пожалуй, музыкант мира никогда не был (и, конечно, никогда уже не будет) так знаменит. С другой — он всегда воспринимался в контексте временных примет, что неизбежно причисляло его к низшему разряду в глазах эстетов. И, может быть, главное — он был навсегда обречен не соответствовать ожиданиям.

Вероятно, именно поэтому, а не в силу пианистических особенностей, Клиберн не расширял репертуар, шлифуя до совершенства то, что вознесло его на пик славы. Он так и остался исполнителем Первого концерта Чайковского и Третьего концерта Рахманинова, к чему можно добавить всего лишь десяток больших вещей: скандально короткий список.

Но и тут находятся — и преобладают! — люди, которые сравнивают Клиберна нынешнего с «тем» Клиберном, и понятно, в чью пользу. Но ведь понятно и то (хоть это и не проговаривается), что тогда молодой пианист стоял между направленными друг на друга и во все точки земного шара межконтинентальными баллистическими ракетами с ядерными боеголовками, а такое обстоятельство сильно обостряет восприятие Чайковского и Рахманинова по обе стороны океана.

Сейчас дело другое: музыкант остался с Чайковским и Рахманиновым наедине. И, похоже, почувствовал себя не вполне уютно. Во всяком случае, августовский концерт Вана Клиберна с оркестром Московской филармонии под управлением Василия Синайского в зале нью-йоркской «Метрополитен-оперы» странным образом напомнил о былом.

Прежде всего — о былом величии. Клиберн — пианист огромной силы и широкого жеста,

монументальный и патетический. Коль скоро, как сказано, архитектура — это застывшая музыка, и сравнения тут правомочны, Чайковский в исполнении Клиберна — это мемориал Линкольна, ВДНХ, Эмпайр Стейт билдинг, метрополитен имени Ленина, Капитолий, МГУ, советско-американский ампи́р, вознесенный и сомкнувшийся, как Аполлон—Союз.

Идея такого противопоставления господствовала во всей обстановке нью-йоркского концерта. Слева и справа стояли государственные флаги США и России. Музыка началась с гимнов, причем российский был исполнен оркестром, а американский — солистом. Собственно же программа открылась «Портретом Линкольна» Аарона Копленда — вещью торжественной и патриотической. Как рассказывал мне Василий Синайский, это было настоящее пожелание самого Клиберна, который солировал и тут — но уже в качестве не пианиста, а чтеца. Стройный, прямой, ростом точь-в-точь Линкольн — шесть футов четыре дюйма, т. е. 193 см, — никак не похожий на 60-летнего, он хорошо поставленным голосом взволнованно произносил под оркестр отрывки из речей великого американского президента. Среди них, между прочим, и начинающийся со слов «Нам не уйти от истории».

От истории не уйти никому. Особенно тем, кто начинался в самой сердцевине ее коловращения. Тогда, в 58-м, понадобилось личное разрешение генерального секретаря ЦК КПСС, чтобы первый приз на конкурсе Чайковского получил американец — и это был знак, стоивший сотен часов за столами дипломатических переговоров. 23-летний техасец стал кумиром русских, а Америка поняла, что таких русских можно не бояться. Это был мощный аккорд, виртуозный пассаж: Хрущев запустил Клиберна, как спутник.

Теперь все это история. И вот фрагмент ушедшей эпохи воскрешен в зале «Метрополитен-оперы». Давным-давно сняты барьеры, никто не интересуется гражданством гастролеров, никому уже не приходит в голову обставлять совместное выступление российских и американских артистов флагами и гимнами как акт сближения держав. Но оказалось, что по временам противостояния можно испытывать ностальгию, и, когда после неизбежного и великолепного Первого концерта Чайковского пианист и дирижер обнялись, — показалось, что это Хрущев с Кеннеди, Юрий Гагарин с Джоном Гленном, Брумель с Томасом, холмогорская телка с коровой из штата Айова, что на дворе холодная война, но вдруг на миг потеплело, забрезжила надежда, все взволнованы, полны взаимопонимания и осознания важности момента.

На самом деле ничего такого нет, и этого немножко жаль, потому что Чайковский, Хрущев и Клиберн существуют, разумеется, сами по себе, но в сочетании перемножаются — а такой арифметики больше не будет.